

С. В. Никоненко

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СИМВОЛА И ЗНАКА

В статье рассматриваются эпистемологические различия символа и знака. С позиций предложенной автором теории эйдетического опыта доказывается, что символы и знаки имеют разные источники как происхождения, так и понимания. Знаки обладают однозначностью, которая вводится рассудком; тогда как символы выступают формой выражения возвышенного опыта и не обладают однозначностью. В отличие от знака, символ всегда выступает предметом интерпретации. В статье исследуются (на примере идей Аристотеля, Барта, Бодрийяра, Хайдеггера, Шпенглера, Витгенштейна, Якобсона и др.) причины смещения символов и знаков. Доказывается, что господство знаков в современной культуре обусловлено угасанием символического сознания. Автор считает, что знаки не могут обладать такими свойствами и функциями, которыми обладают символы. Библиогр. 9 назв.

Ключевые слова: теория познания, символ, знак, опыт, рациональность, культура, язык, значение.

S. V. Nikonenko

THE DIFFERENCE BETWEEN SYMBOLS AND SIGNS

The matter of the article is the epistemological difference between symbols and signs. Symbols and signs have different sources of provenance and understanding. Sign has a strict meaning. It is defined by reason. Symbol is a linguistic expression of sublime experience. It does not have only meaning. Symbols can always be a matter of interpretation. The author studies philosophy of signs by Aristotle, Barthes, Baudrillard, Spengler, Heidegger, Wittgenstein, Jakobson and others. The theory of symbols is represented from the eidetic point of view. The power of signs is the effect of the decline of symbolical consciousness. Signs cannot change symbols. Symbols have a unique nature. Refs 9.

Keywords: epistemology, symbol, sign, experience, rationality, culture, language, meaning.

В настоящей статье я продолжаю теоретическое исследование возвышенного, или эйдетического, опыта, которое было начато в одном из предыдущих номеров вестника [1]. Я попытаюсь определить природу символов и знаков, а также доказать, что знаки и символы имеют различную природу; причем у нас имеется естественная склонность путать знаки и символы, а также воспринимать символы как знаки.

По Аристотелю, знаки неразрывно связаны с именами и представляют собой их обозначение. Он пишет: «Имена имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А возникает имя, когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя» [2, с. 94]. Тем самым знак — это устойчивая графема имени, которая способна сохраняться в виде части текста, даже когда она никем не произносится. Теоретически возможен любой знак, но, как справедливо отмечает Витгенштейн, только тот знак имеет смысл, который понятен в контек-

Никоненко Сергей Витальевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; serg_nikonenko@rambler.ru

Nikonenko Sergey V. — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; serg_nikonenko@rambler.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

сте употребления в нашем языке, в отношении конвенционального «соглашения», что и отмечает Аристотель. Видя дорожный указатель со стрелкой и надписью «Санкт-Петербург», мы все «соглашаемся» в том, что здесь речь идет об указании направления движения в сторону этого города. Причем это указание представляется настолько логичным и необходимым, что общепонятно. Знак имеет ярко выраженную тенденцию к «однозначности», и в этом смысле он выполняет культурную функцию сплочения носителей языка и традиции.

В этом и заключается главное свойство знака. Знак находится полностью «под контролем» рассудка (по крайней мере, в плане своего определения). Знак тяготеет к эмпирическому пониманию и массовому использованию; в этом плане он становится предметом потребления; его индивидуальность стирается. Я считаю сомнительным допускать, что знак способен обладать эйдетическим смыслом и требует для понимания форм возвышенного опыта. Ведь знак всегда соразмерен со своим значением, тогда как символ всегда обладает неполнотой значения. Этот тезис, на мой взгляд, опрокидывает как утопические любые «эмблематические» тенденции сделать знак подлинным «именем» символа. Такие попытки (а они возникают постоянно) сводят символизм к рассудочному схематизму, подменяя возвышенное конкретно-чувственным. Из этого не следует, что знак ущербен сам по себе или что он не нужен; просто знакам следует отвести гораздо более скромное место, нежели то, какое мы видим во многих философских системах и художественных течениях. К примеру, оригинально стремление поп-арта насытить картины знаками, включив в них «массовые», «популярные» предметы, надписи, имиджи. Но тут налицо практически полное символическое стирание, поскольку велосипедное колесо, баночная ветчина или рекламная надпись не говорят нам ни о чем, кроме самих себя; в них нет никакой загадки, недоговоренности; их не надо воспринимать как нечто, уводящее к духовной глубине.

Тем не менее символы и знаки обычно путают. Типичным можно считать высказывание Шпенглера: «Символы суть чувственные знаки, последние, неделимые, а главное, невольные впечатления, имеющие определенное значение. Символ есть некая черта действительности, с непосредственной внутренней достоверностью обозначающая для чувственно-бодрствующих людей нечто такое, что не может быть сообщено рассудочным путем» [7, с. 324]. Шпенглер верно связывает символы со сферой опыта, однако определяет символ через знак. Поскольку знак есть нечто, во-первых, конкретное, а во-вторых, обладающее фиксированным значением, то возникает стремление искать именно в знаке определенность природы символа. Также закономерно стремление определять символ через знак, представленный в виде изображения, эмблемы или аллегории. В принципе для чисто функциональных целей этого вполне достаточно. К примеру, буква или цифра на экране компьютера именуется символом, но на самом деле это знак; просто различия между этими понятиями в данном случае делать не нужно.

Трудность в вопросе о соотношении символа и знака возникает также и потому, что они обладают разными критериями строгости и четкости. Знак тяготеет к однозначности и унификации, тогда как символ, наоборот, имеет тенденцию к обладанию несколькими возможными определениями. Это обусловлено тем, что знак устанавливается рассудком и относится к эмпирическому опыту; тогда как символ нерассудочен и берет начало в возвышенном опыте. Гадамер пишет:

«Отграничение символа от знака, приближающее его к изображению, кажется очевидным. Функции представления символа — это не простое указание на то, чего сейчас нет в ситуации; скорее символ позволяет выявиться наличию того, что в основе своей наличествует постоянно. Это показывает уже изначальный смысл слова “символ”. Когда символом называли опознавательный знак разделенных друзей-сотрапезников или рассеянных членов религиозной общины, удостоверяющий принадлежность к ним, то такой символ, разумеется, обладал знаковой функцией. Но, тем не менее, он — нечто большее, нежели знак» [5, с. 202]. На мой взгляд, символ не является чем-то «большим» по отношению к знаку, поскольку знак как таковой вообще с ним несопоставим. Поскольку символ обозначает эйдос, то он неизбежно оказывается формой его отображения в определенной сфере культуры, в определенной традиции и в определенном языке. И хотя символ может быть неясным и туманным, он выступает формой закрепления эйдетического опыта. Эйдетический опыт не может быть намеренным, «установленным», формально предложенным, утвержденным, что обычно бывает со знаками. Поэтому я разделяю опасение Хайдеггера по поводу засилья знаков в современной культуре и вытеснения знаками символов. «Если представлять язык просто как означивание, то это позволяет приступить к теоретико-информационной технизации языка. Берущее отсюда начало устройство определенного отношения человека к языку самым жутким образом осуществляет требование Карла Маркса: дело в том, чтобы изменить мир», — пишет Хайдеггер [6, с. 293]. В самом деле, рассудочно предложенный и установленный знак имеет волевую природу; он установлен декретом, он создан искусственно и закономерно стремится застыть в однозначности своего употребления. Подмена символов знаками приводит к «фетишизму» знаков, ложной уверенности в простоте и понятности символической сферы. Ведь по своей природе знак стремится «убить» любую интерпретацию, любой индивидуальный взгляд. Знак, к примеру, не может стать предметом искусства или метафизики, поскольку его наглядность и определенность лишены всякой многозначности и не «приглашают» нас к творению чего-то возвышенного. В определенном смысле подмена символа знаком неизбежно приводит к обеднению символа, догматизации его значения, уничтожению интерпретационного плюрализма.

Поскольку символ относится к реальности эйдоса, то он не может быть передан без обозначения полноты возвышенного опыта, что наиболее очевидно в случае поэтических символов. Поэтическое слово может быть названо «знаком», но даже при таком статусе оно несет в себе символическую функцию. К примеру, Якобсон пишет: «Поэту почудилось Чудо! В том, как, урну с водой уронив... дева над вечной струей, вечно печальна сидит. Внутренний дуализм знака снят: неподвижность статуи воспринимается как неподвижность девы, противоположение знака и предмета исчезает, неподвижность налагается на реальное время и осознается как вечность» [9, с. 406]. Возможно, в лингвистическом смысле поэтические слова и могут трактоваться как знаки, но в целом Якобсон пишет о знаках как о символах. Поскольку поэтический символ, выраженный через слово, обозначает опыт переживания эйдоса, то грань между словом и эйдосом настолько стирается, что ее трудно проследить. Эйдетическое слово обладает смыслом, выходящим за пределы привычного употребления, поскольку оно выступает не словом в обычном смысле, а репрезентацией символа. Знак же, наоборот, всегда обладает единообразием употребления;

в этом смысле он устанавливается конвенционально. Символ же всегда — метафора об эйдосе. Тем самым символ может стать лишь более или менее удачной формой отображения и интерпретации эйдетического опыта, который и есть эпистемологическая основа любого возможного символизма.

В русском поэтическом символизме под знаками понимаются символы. Не обходится, конечно, без терминологической путаницы. Когда Блок пишет: «Но не все читали зоревые знаки», он имеет в виду знаки в значении «знамения», особые предчувствия, указания на грядущие катаклизмы, т. е. символы. Блоковские знаки явлены, но всегда загадочны, неопределенны и не могут быть «расшифрованы». Текучесть, неопределенность, метафоричность — это типичные свойства поэтического символа. Ведь именно в поэзии, лишенной эмпирической изобразительной основы, неопределенность смысла символа проявляется со всей полнотой и выступает его неотъемлемым свойством. Поэтическая символическая неопределенность — это возможность достраивания в процессе интерпретации, позволяющая совместить замкнутые в себе пространства опыта читателя и поэта. В этом смысле поэтический символ (как и любой другой символ) изначально сотворен для того, чтобы интерпретироваться различными способами; в этом смысле я склонен предположить, что не существует такого символа, который не был бы многозначен.

Символы поэзии — не знаки, а метафоры и словесные образы. Они указывают на непосредственное восприятие полноты эйдоса. В этом отношении символ неисчерпаем и представим через различные знаки, аллегории, эмблемы и образы; и этот процесс мультиплицирования смыслов теоретически возможно продолжать до бесконечности. Однако в действительности он не бесконечен, поскольку в случае утраты своего содержания в виде непосредственного эйдетического опыта символ способен стать либо отжившей, чисто исторической формой, либо вообще оказаться в забвении. Поэтому неполнота символа — это не мистическая загадочность, а вполне оправданная ситуация ограниченности любой возможной интерпретации эйдетического опыта. Однако каждая такая интерпретация «в себе и для себя» претендует на полноту выражения эйдоса и в этом смысле выражает его содержание в правдивой и убедительной форме. К примеру, древние поэтические, мифологические и философские языки символичны, поскольку их знаки не являются рассудочными и формальными, а выступают наименованиями тождества эйдоса и вещи, высказывания и действия. В этом смысле значение символа «сбывается» в непосредственности жизни, приобретая исчерпывающую полноту собственного содержания. Для греческого слова характерны соразмерность и простота, при которых достигается тождество эйдоса и символа.

Как отмечает Р. Барт, символическое сознание современности угасает и постепенно подменяется знаковым сознанием. Ведь в своей однозначности знак может не просто создавать иллюзию полноты обладания, но также выступать предметом фабрикации и потребления. «Готовая» и определенная природа знака начисто отучает интерпретировать и, наоборот, приучает без особых раздумий «пользоваться». «Символическое сознание видит знак в его глубинном, можно сказать геологическом, измерении, поскольку в его глазах именно ярусное залегание означаемого и означающего создает символ... Слово *символ* теперь слегка устарело; его охотно заменяют выражениями *знак* и *значение*. Этот терминологический сдвиг свидетельствует о некотором размывании символического сознания», — пишет

Барт [3, с. 221]. Как отмечает другой теоретик символизма, Г. Маркузе, знак, ставший предметом потребления, оказывается и предметом вожделения. Обладание новым автомобилем, к примеру, перестает быть формой собственности и превращается к форму реализации желаний. При этом для этой реализации достаточно лишь наличности присутствия, не сопровождаемой никакими индивидуальными и возвышенными актами опыта. Потребление знака лишено всякой возвышенности и может рассматриваться как просто «членство» в группе избранных, допущенных к обладанию этим знаком. Отсюда постепенно вырабатывается привычка к оперированию «готовыми» знаками. Ведь пресловутое «массовое сознание» — это вовсе не распространенные в народе представления, а готовность довольствоваться общепринятым и стирать собственную индивидуальность. Ориентация современных авторов бестселлеров на массовую аудиторию приводит, к примеру, к превращению произведения в предмет сбыта и потребления, к появлению усредненных, штампованных образов, в пространстве которых господствуют мода и популярность, а не стремление к элитарной реализации индивидуального авторского опыта. Стирание автора среди знаков — это не предначертанный и не неизбежный процесс, а во многом сознательный выбор самих этих авторов, сделавших критериями своего успеха не символическую глубину, а наличие массового спроса. Поэтому, на мой взгляд, французские мыслители несколько преувеличивают власть знаков в духовной культуре: как ни подменяй символ знаком, это теоретически невозможно. Исчезновение оригинальности и глубины, отсутствие ярких индивидуальностей в творческой сфере и упадок целых искусств на руинах технологий постмодернизма, наоборот, достаточно отрезвляет культурное сознание, восстанавливая приоритеты символов. Как отмечает Ж. Бодрийяр: «В нашей системе образов и знаков исчезают все основные гуманистические критерии ценности, определяющие собой вековую культуру моральных, эстетических, практических суждений. Все становится неразрешимым — характерный эффект господства кода, всецело основанного на принципе нейтрализации и неотличимости» [4, с. 55]. Знаки приобретают несвойственную им функцию восполнения нехватки символической реальности, стремятся заполнить отсутствие возвышенного эйдетического опыта и нехватку индивидуальности в интерпретации.

Готовый усредненный знак резко контрастирует с символом, который всегда отсылает к чему-то не до конца определенному и указывает на нечто, большее его самого. К примеру, рассуждая о средневековой культуре, У. Эко пишет: «В символическом восприятии природа, даже в самых опасных своих проявлениях, становится алфавитом, при помощи которого Творец сообщает людям об устройстве мира, о внеземных благах, о том, какие шаги следует предпринять, чтобы найти свое место в этой земной обители и заслужить небесную награду» [8, с. 115]. Тем самым, символизм оказывается совершенно несовместим с потреблением однозначности знака; символ требует расшифровки, интерпретации, достижения слитности между собой и содержанием опыта. Символ как таковой выступает открытой структурой, доступной новым возможным интерпретациям. Символ также не может оказаться предметом производства и потребления, поскольку он актуален только для возвышенного опыта, который сам по себе оказывается творчески насыщенным, индивидуальным, элитарным. В конце концов иллюзия обладания знаками оказывается духовно обедняющей, что приводит к постепенному упадку власти

такого знака и вытеснению знака символом. Современный человек живет в массовой сфере готовых и усредненных знаков, потребление которых приводит к господству функционализма и прагматического рассудка; эйдетический опыт оказывается в таких условиях «лишним» и постепенно загоняется в сферу исторического дискурса, будучи связанным с культурным пространством давно минувших эпох. Обращенность к историческому символизму, несмотря на явственный антикварный характер, значима именно потому, что она, пусть и в таком виде, поддерживает эйдетический опыт, не давая ему окончательно деградировать и угаснуть. Но это не отменяет моего убеждения в том, что культурно прогрессивная эпоха не только хранит прежние символы, но и творчески их обновляет (это можно отнести, к примеру, к периоду Ренессанса).

В связи с этим возросшая роль знаков (позволяющая даже утверждать «господство знаков») — это культурно-исторический перекосяк, который во многом уже в прошлом. Не обсуждая причины таких явлений, я делаю эпистемологический вывод, согласно которому знаки необходимы исключительно в функциональном отношении для тех сфер, где требуется искусственно установленная однозначность и устранение разночтений. Проникновение знака за пределы формализованного употребления приводит к наделению этого знака чуждым ему бытием. На самом деле знак может успешно функционировать в том элементарном эмпирическом пространстве, который ему отвели Локк и Кондильяк. Знаки обладают чувственной природой и служат для придания простоты и однозначности коммуникации. Дорожный знак «Движение прямо» не указывает ни на что, кроме установленного употребления, исключая какие-либо иные соображения. Путаница между знаками и символами исчезает, если делать символ обобщением не чувственного, а возвышенного, или эйдетического, опыта. Тогда сама природа символа оказывается существенно иной и во многом резко контрастирующей с природой знака. Вполне вероятно, что набор символов всегда относительно невелик и ограничен, равно как и всегда может существовать идеологическая или догматическая тенденция свести символы к «символике», т. е. к набору знаковых эмблем с «каноническими» толкованиями. Однако, несмотря ни на что, символ все равно рано или поздно возвращается в сферу возвышенного опыта, приобретая все новые интерпретации и раскрывая совершенную форму эйдоса.

Литература

1. Никоненко С. В. Генезис символического анализа // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. Вып. 1. С. 39–43.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
3. Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2006. 387 с.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
6. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 464 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993. Т. 1. 663 с.
8. Эко У. Эволюция средневековой эстетики. СПб.: Азбука-классика, 2004. 288 с.
9. Якобсон Р. О. Стихи Пушкина о деве-статue, вакханке и смиреннице // А. С. Пушкин: Pro et contra. СПб.: Изд-во РХГА, 2000. Т. II. С. 400–421.

Для цитирования: Никоненко С. В. К вопросу о соотношении символа и знака // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 3. С. 47–53. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.306

References

1. Nikonenko S. V. Genezis simvolicheskogo analiza [The Origin of Symbolical Realism]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*. 2015, issue 1, pp. 39–43. (In Russian)
2. Aristotel'. Sochineniia v 4 t. T. 2 [Works. In 4 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1978. 687 p. (In Russian)
3. Bart R. Nulevaia stepen' pis'ma [Zero Degree of Writing]. Moscow, Academic Project Publ., 2008. 351 p. (In Russian)
4. Bodriiia Zh. Simvolicheskii obmen i smert' [Symbolical Exchange and Death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2006. 387 p. (In Russian)
5. Gadamer Kh.-G. Istina i metod [Truth and Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian)
6. Khaidegger M. Raboty i razmyshleniia raznykh let [Works and Papers of Several Years]. Moscow, Gnosis Publ., 1993. 464 p. (In Russian)
7. Shpengler O. Zakat Evropy. T. 1 [The Sunset of Europe. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 663 p. (In Russian)
8. Eko U. Evoliutsiia srednevekovoi estetiki [The Evolution of Medieval Aesthetics]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2004. 288 p. (In Russian)
9. Iakobson R. O. Stikhi Pushkina o deve-statue, vakkhanke i smirennitse [Pushkin's Poems on the Monument of a Virgin, Bacchante and a Humble Girl]. A. S. Pushkin. Pro et contra. Vol. II. St. Petersburg, Russian Christian Academy of Humanities Publ., 2000, pp. 400–421. (In Russian)

For citation: Nikonenko S. V. The difference between symbols and signs. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, 2016, issue 3, pp. 47–53. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.306

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2016 г.